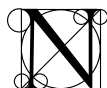

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
ПОСЛЕДНИЙ ПРИСЯЖНЫЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
THE LAST JUROR

Перевод с английского *И. Я. Дорониной*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.
Г85 Последний присяжный : [роман] / Джон Гришэм ;
[пер. с англ. И. Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-106047-3

Девять лет назад тихий южный городок был потрясен сенсационным процессом! Наследник одной из могущественнейших семей штата получил пожизненный срок за жестокое убийство молодой красивой вдовы...

Все помнят, как он угрожал присяжным мстью во время суда. А теперь, девять лет спустя, он досрочно освобожден. И вернулся, чтобы выполнить обещание?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Belfry Holdings, Inc., 2004
© Перевод. И.Я. Доронина, 2017
ISBN 978-5-17-106047-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

После нескольких десятилетий упорно-неудовлетворительного и ласково-нерадивого управления газета «Форд каунти таймс» обанкротилась. Это случилось в 1970-м. Ее владелице и издательнице мисс Эмме Коудл было девяносто три года, и она доживала свой век в доме для престарелых в Тьюпело, прикованная к постели. Редактору газеты, ее сыну Уилсону Коудлу, было за семьдесят, и в голове у него, в верхней части скошенного, непропорционально длинного лба, от Первой мировой войны осталась металлическая заплатка. Заплатку закрывал аккуратный кружок вживленной темной кожи, и всю свою взрослую жизнь Уилсону Коудлу приходилось терпеть кличку Пятно. Пятно, сделай то. Пятно, сделай это. Пятно, сюда. Пятно, туда.

В молодые годы он писал о городских собраниях, футбольных матчах, выборах, судебных заседаниях, церковных мероприятиях — словом, обо всех событиях общественной жизни округа Форд. Он был отличным репортером, всегда старался докопаться до сути и обладал хорошей интуицией. Судя по всему, черепно-мозговая травма не повлияла на журналистские способности, но в какой-то момент после Второй мировой «заплатка», очевидно, сместилась, и мистер Коудл перестал писать что бы то ни было, кроме некрологов. Зато некрологи он обожал. Сочинению каждого посвящал много часов. Его длинные панегирики являли собой образцы риторической прозы,

в них он подробно описывал жизненный путь даже самых незначительных представителей округа Форд. А уж материалам на смерть богатого или знаменитого гражданина отводилась вся первая полоса — такие события мистер Коудл использовал сполна. Он не пропускал ни одних похорон, ни одних поминок и никогда не писал о покойных ничего дурного. Всякого покидающего земную юдоль он увенчивал славой. Поэтому округ Форд был лучшим местом для того, чтобы умереть. И Пятно пользовался большой популярностью, несмотря на свое безумие.

Единственный серьезный кризис в его журналистской карьере произошел в 1967 году, когда движение за гражданские права добралось наконец и до округа Форд. Газета никогда не давала ни малейшего повода заподозрить ее в расовой терпимости. Ни одно черное лицо не появилось на ее страницах, за исключением тех, которые принадлежали преступникам либо подозреваемым в совершении преступлений. Никаких объявлений о бракосочетаниях чернокожих. Никаких упоминаний о чернокожих учениках, окончивших школу с отличием, или успехах «их» бейсбольных команд. Но в 1967 году мистер Коудл сделал поразительное открытие. Проснувшись однажды утром, он вдруг осознал, что в округе Форд умирают также и чернокожие и что их уход в мир иной не получает должного отражения в прессе. Это был неизведанный океан, таивший в себе огромные возможности для автора некрологов, и мистер Коудл отважно пустился в плавание по его опасным просторам. В среду восьмого марта 1967 года «Таймс» стала первой принадлежащей белому хозяину еженедельной газетой в Миссисипи, поместившей сообщение о смерти чернокожего. На первый взгляд публикация прошла незамеченной.

На следующей неделе мистер Коудл поместил уже три «черных» некролога, и пошли разговоры. А к концу месяца над газетой нависла угроза всеобщего бойкота, читатели отказывались от подписки, рекламодатели и желающие поместить частные объявления придерживали свои день-

ги. Мистер Коудл прекрасно понимал, что происходит, но был слишком впечатлен своим новым статусом борца за расовое равенство, чтобы обращать внимание на такие банальные вещи, как доходы. Через полтора месяца после публикации первого исторического некролога он изложил на первой полосе крупным шрифтом свое новое издательское кредо, доходчиво объяснив публике, что намерен печатать все, что ему, черт побери, нравится, а если кому-то из белых это не по душе, пусть не рассчитывает на собственный некролог.

В Миссисипи достойный переход в мир иной — важная составляющая часть жизни как для белых, так и для черных, и мысль о том, чтобы быть упокоенным, лишившись привилегии посмертной славы, которую Пятно обеспечивал каждому своим хвалебным некрологом, для большинства белых граждан оказалась невыносимой. Притом что никто не усомнился: он достаточно безумен, чтобы привести угрозу в исполнение.

Следующий номер газеты изобиловал обоими типами некрологов, «белыми» и «черными», все они были расположены в строго алфавитном порядке, без какой бы то ни было дискриминации. Газета разошлась полностью, и начался короткий период процветания.

Банкротство было названо вынужденным — будто кто-то мог стремиться к нему добровольно. Крупнейшим кредитором стал хозяин типографии из Мемфиса, которому газета задолжала шестьдесят тысяч долларов. Были и другие, уже более полугодом ожидавшие погашения долгов. Возвращения кредита требовал и старейший залоговый банк.

Я был в редакции новичком, но кое-какие слухи доходили и до меня. Когда низкорослый человек в остроносых туфлях с важным видом вошел через парадную дверь и заявил, что ему нужен Уилсон Коудл, я как раз сидел в приемной на столе и читал журнал.

— Он в Ритуальном доме, — сказал я.

Карлик оказался самоуверенным. Из-под полы мятого морского кителя у него явно выпирал пистолет, так носят

оружие, когда хотят, чтобы его заметили. Вероятно, у него было разрешение, хотя в округе Форд оно в общем-то и не требовалось, по крайней мере в 1970 году.

— Мне необходимо передать ему бумаги, — заявил карлик, помахивая конвертом.

Я не собирался ему помогать, но и грубить карлику было неловко. Даже вооруженному.

— Мистер Коудл в Ритуальном доме, — повторил я.

— Тогда я оставляю это вам для передачи ему, — решил лилипут.

Хотя я прожил в здешних местах меньше двух месяцев, а до того учился в колледже на Севере, кое-что уже успел усвоить. Например, я понимал, что добрые вести с нарочным не присылают. Их отправляют по почте или передают из рук в руки, но с курьером — никогда. В этих бумагах таилась какая-то неприятность, и я не хотел иметь к ней никакого отношения.

— Я не возьму ваши бумаги, — сказал я и отвел глаза.

Согласно законам природы, карликам положено быть покладистыми и мирными, этот парень не составлял исключения. Пистолет он прихватил для храбрости. Курьер с самодовольной ухмылкой окинул взглядом приемную, понял, что ситуация безвыходная, поэтому с показной театральностью засунул конверт обратно в карман и спросил:

— И где находится этот Ритуальный дом?

Я, как мог, объяснил, и он ушел. Час спустя приковылял Пятно, размахивая теми самыми бумагами и истерически завывая.

— Все кончено! Все кончено! — повторял он, передавая мне ходатайство о вынужденном банкротстве. Секретарша Маргарет Райт и репортер Харди, выбежавшие из соседней комнаты, пытались успокоить хозяина. Но он сидел в кресле, упершись локтями в колени, обхватив голову руками, и жалобно всхлипывал. Я начал читать ходатайство вслух, чтобы довести до всеобщего сведения.

В нем говорилось, что мистеру Коудлу надлежит через неделю явиться в Оксфорд для встречи с кредиторами

в присутствии судьи, который и примет решение: будет ли газета продолжать функционировать до тех пор, пока опекунский совет не разберется в деле по существу. Маргарет и Харди наверняка были больше озабочены потерей работы, чем нервным срывом мистера Коудла, однако оставались рядом и сочувственно поглаживали его по плечу.

Внезапно рыдания стихли, мистер Коудл встал, закусив губу, и объявил:

— Я должен сообщить маме.

Мы, трое, переглянулись. Слабое сердце Эммы Коудл продолжало биться, едва заметно — ровно настолько, насколько требовалось, чтобы отсрочить похороны. Она не соображала даже, какого цвета желе, коим ее потчевали, жизнь округа Форд и его газеты тем паче была для нее чем-то потусторонним. Она была слепа, глуха и весила менее восьмидесяти фунтов. И вот с таким-то человеком Пятно вознамерился обсудить вопрос вынужденного банкротства. В этот момент я понял, что и сам он уже не с нами.

Снова заплакав, мистер Коудл удалился. А спустя полгода мне пришлось писать некролог в связи с его кончиной.

Поскольку у меня за плечами как-никак был колледж и в последнее время я фактически вел газету, Харди и Маргарет с надеждой воззрились на меня, ожидая полезного совета. Я журналист, а не юрист, и тем не менее пообещал отнести бумаги семейному адвокату Коудлов, чьими рекомендациями нам и следовало руководствоваться. Кисло улыбнувшись, мои коллеги вернулись к работе.

В полдень, купив упаковку пива* в магазине самообслуживания «Куинси» в Нижнем городе**, районе Клэнтон, населенном чернокожими, я отправился на своем «спит-файре» прокатиться куда подальше. Стоял конец февраля,

* Стандартная упаковка из шести банок. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** На Юге США так обычно называется беднейшая часть города, в основном населенная афроамериканцами.

но было необычно тепло, поэтому я опустил верх машины и устремился к озеру, размышляя — не впервой — о том, что, собственно, я делаю здесь, в округе Форд, штат Миссисипи.

Я вырос в Мемфисе, потом пять лет изучал журналистику в Нью-Йорке, точнее, неподалеку, в Сиракьюсе, пока бабушке не надоело платить за мое затянувшееся образование. Выдающихся успехов в учебе я не достиг, но до окончания колледжа мне оставался всего год. Может быть, полтора. У бабушки, у Би-Би, была куча денег, однако она не любила их тратить и, кое-как вытерпев пять лет, решила, что я уже заложил основу знаний, способную обеспечить мои дальнейшие возможности. Когда бабушка перестала меня финансировать, я очень расстроился, но не жаловался — во всяком случае, ей. Я был ее единственным внуком, и перспектива унаследовать когда-нибудь ее имущество и состояние казалась счастьем.

От занятий журналистикой голова у меня болела, как с похмелья. На заре своей учебы в Сиракьюсе я честолюбиво мечтал со временем заняться журналистскими расследованиями в «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост», спасти мир от коррупции и загрязнения окружающей среды, расточительства правительства и несправедливости, от которой страдают слабые и угнетенные. Впереди мне мерещилось множество Пулитцеровских премий. После приблизительно года подобных мечтаний я увидел фильм про иностранного корреспондента, который гонялся по всему свету за войнами, соблазнял красавиц и каким-то чудом находил при этом время писать статьи, отмечаемые всевозможными наградами. Он говорил на восьми языках, носил бороду, военные ботинки и накрахмаленную форму цвета хаки, на которой ни при каких обстоятельствах не появлялось ни морщинки. Я решил стать таким журналистом. Отрастил бороду, купил ботинки и форму, попробовал учить немецкий и вести свой донжуанский список. Когда мои оценки неудержимо поползли вниз и я

начал скатываться в придонную часть классного списка, меня вдруг увлекла идея работать в газете какого-нибудь маленького городка. Я не могу объяснить этого влечения, разве что дело в том, что как раз в те времена я познакомился и подружился с Ником Дайнером.

Он был родом из сельскохозяйственного района Индианы, и его семья уже несколько десятилетий владела весьма процветающей газетой окружного масштаба. Он ездил на восхитительной маленькой «альфа-ромео» и никогда не испытывал недостатка в деньгах. Мы тесно сошлись.

Ник был очень способным молодым человеком, мог бы стать врачом, юристом или инженером. Однако его единственным желанием было вернуться в Индиану и встать во главе семейного бизнеса. Это озадачивало меня до тех пор, пока однажды вечером мы не напились и он не рассказал мне, какую прибыль ежегодно получает его отец от их маленького еженедельника тиражом в шесть тысяч. Это золотая мина, утверждал он. Только местные новости, объявления о свадьбах, информация о жизни прихода, списки геройски павших на войне, спортивные новости, фотографии баскетбольной команды, немного кулинарных рецептов, немного некрологов и очень много рекламы. Ну, еще небольшая толика политики, но никакого участия в разборках. Вот и все — остается лишь подсчитывать барыши. Отец Ника был миллионером. По словам моего друга, в сфере подобной безмятежной, ненавязчивой журналистики деньги росли на деревьях.

Мне все это очень понравилось. Еще до окончания четвертого курса, которому суждено было оказаться последним, я прошел летнюю стажировку в скромном еженедельнике некоего арканзасского городка, затерявшегося в Озаркских горах. Платили мне какую-то мелочь, но на Би-Би произвело большое впечатление то, что у меня появилась официальная работа. Каждую неделю я посылал ей свежий выпуск, добрая половина которого была написана мной. Владелец, он же редактор, он же издатель, очаровательный старый джентльмен, не мог нарадоваться, что

получил репортера, жаждавшего писать. Он был весьма богат.

После пяти лет учебы в Сиракьюсе оценки мои оказались безнадежными, и колодец иссяк. Я вернулся в Мемфис, навестил Би-Би, поблагодарил за щедрость и заверил, что люблю ее. Бабушка посоветовала мне найти работу.

В то время сестра Уилсона Коудла жила в Мемфисе, и на одном из традиционных светских чаепитий они познакомились с Би-Би. Последовал обмен телефонными звонками, после чего мне велели паковать вещи и отправляться в Клэнтон, штат Миссисипи, где меня с нетерпением поджидал Пятно. Поговорив со мной часок, чтобы как-то сориентировать, он отпустил меня в свободное плавание по округу Форд.

В очередном номере Коудл поместил симпатичный маленький рассказ обо мне, с фотографией, в котором представил меня как «молодого специалиста», работающего отныне в местной «Таймс». Этот материал занял большую часть первой полосы — в те времена новостей было немного.

В статье содержались две чудовищные ошибки, последствия которых я испытывал на себе много лет. Первая, и менее значительная, состояла в том, что Сиракьюсский колледж был отныне причислен к «Лиге плюща»*, во всяком случае, если верить Пятну. Он сообщил своим читателям, что я получил образование в Сиракьюсе, в университете, входящем в «Лигу плюща». Лишь месяц спустя нашелся человек, который обратил внимание на эту ошибку. Я уж начал было верить, что газету никто не читает или, что еще хуже, те, кто ее читает, — законченные идиоты.

Вторая ошибка изменила мою жизнь. При рождении я был наречен Джойнером Уильямом Трейнором и до двадцати лет упорно пытался выведать у родителей, как двум, казалось бы, интеллигентным людям пришло в го-

* Так называют несколько старейших университетов США, воспитывающих интеллектуальную элиту.

лову назвать ребенка Джойнером. В конце концов кто-то проговорился, что один из моих родителей (при этом оба категорически отрицали свою ответственность) настоял на имени Джойнер в качестве оливковой ветви мира, адресованной какому-то родственнику, с коим семейство мое состояло в наследственной вражде, но у которого, по слухам, водились деньги. Я так никогда и не увидел человека, в честь которого был назван. Он умер, не выказав ни малейшего желания сблизиться со мной, а я на всю жизнь остался с дурацким именем. Поступая в колледж, я записался Джем^{*} Уильямом, что звучало весьма претенциозно для восемнадцатилетнего парня. Годы, связанные с Вьетнамом, бунтами ветеранов, движениями протеста и социальными сдвигами, убедили меня, что «Джей Уильям» звучит слишком корпоративно, слишком «высокопоставленно», и я стал Уиллом.

Пятно звал меня по-разному: то Уиллом, то Уильямом, то Биллом, то даже Билли, а поскольку я откликался на все имена, никогда нельзя было угадать, что еще придет ему в голову. И точно, в газете под моей улыбающейся физиономией стояло новое имя: Уилли Трейнор. Я был в ужасе. Даже в дурном сне я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь назвал меня Уилли. Ни в школе в Мемфисе, ни в колледже в Нью-Йорке я не встретил ни одного человека, которого звали бы Уилли. Я не был примерным мальчиком. Я водил «спитфайр-триумф» и носил длинные волосы.

Что я скажу теперь своим товарищам по землячеству в Сиракьюсе? А что я скажу Би-Би?

Безвылазно проведя в своей комнате два дня, я набрался храбрости и решил попросить Пятно как-нибудь это исправить. Я не знал, как именно, но это была его ошибка, черт побери. Первым, с кем я столкнулся, придя в редакцию, оказался Дейви Басс по кличке Болтун, редактор спортивного раздела.

* По начальной букве имени Джойнер — J, которая по-английски называется «джей».

— А что, очень современно, — сказал он. Я поплелся за ним в его кабинет в поисках совета.

— Уилли — вовсе не мое имя, — сообщил я.

— Теперь — твое.

— Меня зовут Уилл.

— Брось, здесь это понравится. Шустрый парень с Севера, с длинными волосами, в маленькой иностранной спортивной машине. Да еще, черт возьми, с таким именем, как Уилли! Здешняя публика будет считать тебя суперсовременным. Вспомни Джо Уилли.

— Кто такой Джо Уилли?

— Джо Уилли Намас.

— Ах, этот...

— Ну да, он, как и ты, янки, из Пенсильвании или откуда-то там еще, но, очутившись в Алабаме, сменил имя Джозеф Уильям на Джо Уилли. Девушки табунами ходили за ним по пятам.

Мне немного полегчало. В 1970 году Джо Намас был, пожалуй, самым знаменитым в стране спортсменом. На обратном пути, в машине, я мысленно твердил: «Уилли, Уилли», и недели через две стал привыкать к новому имени. Все называли меня Уилли и не испытывали неловкости, ведь у меня было такое простецкое имя.

Би-Би я сказал, что это мой временный псевдоним.

Выпуски «Таймс» были тонюсенькие, и я сразу понял, что дела у газетенки, перегруженной некрологами и испытывающей недостаток в новостях и рекламе, плохи. Служащие были недовольны, но терпели и сохраняли лояльность: в 1970-м в округе Форд работа на дороге не валялась. Через неделю даже мне, новичку, стало ясно, что газета убыточна. Некрологи в отличие от рекламы не оплачиваются. Пятно проводил львиную долю времени в своем заваленном бумагами кабинете, где большей частью дремал, а просыпаясь, звонил в бюро ритуальных услуг. Иногда звонили ему. Иногда родственники только что испутившего последний вздох какого-нибудь дя-

дюшки Уилбера заезжали, чтобы вручить мистеру Коудлу длинное, цветисто написанное от руки жизнеописание новопреставившегося, которое Пятно жадно выхватывал у них из рук и почтительно нес к себе на стол.

Потом, запершись, он писал, редактировал, уточнял и переписывал до тех пор, пока текст не достигал совершенства.

Он сказал, что весь округ в моем распоряжении. В газете был еще один репортер общего профиля, Бэгги Сагс, вечно пьяный старый козел, который часами слонялся по зданию суда, расположенному на другой стороне площади, вынюхивая, собирая сплетни и попивая бурбон в маленьком «клубе» вышедших в тираж адвокатов, слишком старых и пьющих, чтобы продолжать практиковать. А Бэгги, как я вскоре выяснил, был слишком ленив, чтобы проверять информацию, полученную из своих источников, и рыть землю в поисках чего-либо интересного, так что первую полосу то и дело «украшал» какой-нибудь его занудный отчет о пограничном споре землевладельцев или об избиении жены мужем.

Маргарет, секретарша, практически руководила редакцией, деликатно, как добропорядочная христианка, позволяя Пятну думать, что босс — он. Ей было немного за пятьдесят, и она уже двадцать лет добросовестно трудилась в газете. Для «Таймс» она была скалой, якорем, стержнем, вокруг которого все и крутилось. Говорила Маргарет тихо, вела себя чуть ли не робко и с первого дня трепетала передо мной, поскольку я был из Мемфиса и пять лет учился на Севере. Я очень отпирался, чтобы никто не подумал, будто я кичусь своей «принадлежностью» к «Лиге плюща», но в то же время не возражал, чтобы местная деревенщина понимала, сколь превосходное образование получил.

Мы с Маргарет подружились, частенько сплетничали, и уже через неделю она подтвердила то, о чем я и сам подозревал: мистер Коудл действительно сумасшедший, а финансовое положение газеты — бедственное. Но, заметила Маргарет, у Коудлов есть семейный капитал!